М.А. Казаков, Д.Н. Беспалов*

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА –
ПРОБЛЕМА И РЕСУРС СОВРЕМЕННОЙ ВЛАСТИ

В статье рассматриваются особенности современных подходов к феномену персонификации политического лидерства и их связь с феноменом медиатизации политики.

Ключевые слова: политическое лидерство, персона, персонификация власти

Personification of political leadership as an issue and resource of power. MIKHAIL A. KAZAKOV (N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod), DMITRIY N. BESPALOV (National Research University Higher School of Economics)

The article discusses the features of modern approaches to the phenomenon of personalization of the political leadership and their relationship with the phenomenon of the mediatization of politics.

Keywords: political leadership, person, personification of power

Современные проблемы политического лидерства по природе своей междисциплинальны и парадоксальны. Но какую бы из них в соответствии с реально действующим субъектом мы ни рассматривали, в каком бы измерении ни анализировали, всюду находим проявление политических отношений и интересов, функционирующих и воспринимающихся в фокусе социальных изменений. Лидеры – носители не только общих и частных связей, но одновременно и очагов, и пределов этих изменений. В первом случае, как ведущие, они «тот социокритический интеллектуальный страт, благодаря которому зажигается факел прогресса, магнетически притягивающий взоры людей к себе, организуя их на конкретные исторические деяния» [16, с. 77]. Причем, как заметил В.О. Ключевский, одни заводят, а другие выво-

дят их на покинутую временно историческую прямую.

Своевременное определение пределов этих путей, связанных с ними общественных изменений, проявляющихся в установках лидеров и населения на принятие тех или иных ценностей, оказывается сопряженным с изучением лидерства как субъекта трансформации. Понимание неопределенностей, возникающих здесь в разных областях общества, недопущение их концентрации на практике путем снижения до уровня, обеспечивающего его функциональные потребности, требует от лидеров создания институциональных границ реформ и собственной институционализации как «хабитуализации» и взаимной типизации опривыченных действий деятелями разного рода» (П. Бергер, Т. Лукман) [9, с. 146]. Это содержание второго случая.

* КАЗАКОВ Михаил Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры прикладного политического анализа и моделирования Институт международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

E-mail: kazakov_mihail@list.ru

БЕСПАЛОВ Дмитрий Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры информационной безопасности факультета бизнеса и менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: dbespalov@hse.ru

© Казаков М.А., Беспалов Д.Н., 2017

Примечательны по этому поводу слова Д. Норта: «Несовместимость формальных правил и неформальных ограничений (что может быть результатом глубины культурного наследия, в рамках которого были выработаны традиционные способы разрешения проблем обмена) порождают трения, что могут быть ослаблены путем перестройки всех ограничений в обоих направлениях, и тогда будет достигнуто новое равновесие, значительно менее революционное, чем риторика перемен» [16, с. 10]. В этом отношении процесс эволюции отечественного политического лидерства, осознающего, что оно «является властью, осуществляемой «сверху вниз» [2, с. 5], пример его неразрывной связи с феноменом власти.

Она выражается в том, что структура этого лидерства не только шире иных его форм, создает определенный образ власти и общественного устройства, системы знаний и правил в нем, но и, будучи сосредоточением ценностей, установок, необходимых для внутреннего согласования интересов и самоорганизации, есть специфический тип отношения между субъектом и объектом, соответствующий ему род (качество) власти, проявляющих себя через деятельность персон и группы, находящихся на верху социальной иерархии (Т. Боттомор) [26, р. 7], готовых к удержанию своих доминирующих позиций в обществе. В чем сила лидерства и одновременно его проблема.

В новейшей истории эта специфика наблюдается с момента возникновения связи, когда власть делегируется объектом субъекту отношения добровольно, а объект, реализуя в идеале право отбора и выбора выразителя/представителя своего интереса, закрепляет тем самым его статус и полномочия. В этом смысле политическое лидерство не только институт власти, детерминированный отношениями ответственности перед электоратом (населением) за сделанный им выбор социального порядка. По Т. Парсонсу – один из основополагающих институтов политической системы, но и персонально деятельностное начало власти, реализующее себя в сфере публичных общественных отношений посредством конкуренции за политическое (властное) первенство [10, с. 11].

Первичное и несущее этого начала – личность лидера. Уже в Древнем Риме слово «*persona*» служило для обозначения специальной маски, используемой актером античного театра. С одной стороны, эта маска помогала ему: оборудованная специальным раструбом,

она усиливала звук голоса и доносила его до аудитории. С другой стороны, она скрывала лицо актера под личиной персонажа. Поучительно, что этимология слова *persona* (*per* – через, *sonus* – звук) отчетливо указывает и на атрибутивную, и двойственную (способствование – препятствование) природу личности.

Сущность индивидуального политического лидерства «триедина», что проявляет себя во взаимодействии личностных, организационно-статусных и социокультурных качеств носителя соответствующих функций, что позволяет сформулировать проблему выработки критериев зрелости (интегрированности) деятельности политических руководителей на основе оценки их личностной самостоятельности, статусного положения и доминирующих типов ценностно-смысловых ориентаций. Однако многое осталось за скобками. Неверное представление «не каждый человек – личность» рождало в древности героическое видение царей и полководцев, позже – сакрализацию монархов и вождей, что при отсутствии реальных правовых рычагов контроля деятельности генсеков и президентов до сих пор сохраняет за вожизмом право считаться сущностью персонифицированной власти, служит оправданию манипулятивных практик в современной политике. Из-за непрофессионализма отдельных членов организации, так или иначе отождествляемой с потенциальным лидером, системы демонстрируют признаки нестабильности при реализации тех или иных политик. Уже в этом контексте выработка адекватной концепции персонификации – путь интеллектуальной борьбы и взаимосвязи различных парадигм – с учетом превалирующего значения культуры и коммуникативных концепций.

Персонификация (от лат. *persona* «лицо», *facio* «делаю») – это персонализация с обратным знаком общения. Ее отличие – стремление человека быть самим собой, в соотношении с деятельностью. В персонификации происходит рост индивидуации человека, связи личности с самостью, высокими идеалами, Богом (К. Юнг), ослабление противостояния персоны и тени в личности человека, отказ от личностных фасадов. Протекающий по восходящей процесс персонификации усиливает интегрированность личностных структур, увеличивает степень позитивности, эмпатичности и конгруэнтности человека (К. Роджерс). Коммуникативные процессы объясняют существование как персонализующего, так и персонифицирующего общения в социуме.

Персонализирующее общение, свойственное социальной структуре прежних обществ, уводит эмпирическую личность от оптимума ее полноценного функционирования. Персонализация как более органичный и интегративный процесс ближе современности. Его можно и нужно анализировать с позиций социологии. Там, где обыденное, ненаучное знание видит причины, политологи и социологи усматривают следствия, свидетельствующие о социальных сдвигах, процессах и тенденциях. «Наличие институтов и процесса институционализации не является спецификой политики и представляет собой всего лишь частный случай более сложной антропологической реальности, а именно того, что человек есть живое существо, причем единственное, обитающее в искусственной среде» [13, с. 21]. Лидеры – не исключение, но для того, чтобы определиться с их новой политической миссией, в рамках которой лидерство и предстает персонифицированной совокупностью социальных ролей, необходимо хотя бы обозначить главный нерв эпохи. Им является общемировой политический тренд – изменение роли государства и всех иных политических институтов, трансформации их сущности и форм, которые меняют не только структуру политического рынка, но и его эффективность в ответах на вызовы современности. Число реально противодействующих вызовам равно числу тех, «кто на законных основаниях осуществляет политическую власть» [18, с. 167].

Это лидерская группа. Те же, кто в нее не входят, противоборствуя между собой, используют в информационно-коммуникативном пространстве, по сути, одинаковые методы, понятия, техники. С той лишь разницей, что «на Западе» – «демократический метод – это такое институциональное устройство, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей», утверждал Шумпетер в 1942 г. [24, с. 524]. Он также говорил, что лидерство есть нечто значительно большее, чем личные качества человека, так же как функционирование и достижения этого метода в реальности гораздо важнее исполнения *общей воли*. Именно через раскрытие феномена лидерства можно прояснить то, откуда возникает идеология, что потом «возводится в ранг воли народа – не вытекает из их инициативы, но формируется... и это важнейшая часть демократического процесса» [24, с. 346].

В качестве теоретического подхода к феномену лидерства все шире используется синтез конструктивизма и инструментализма. Первый понимает лидерство как социальный конструкт, вынуждая аналитика не забывать об идейно-ценностной составляющей (П. Бергер, Т. Лукман, Ф. Барт, Б. Андерсон, П. Бурдьё, И. Гофман). Инструментализм позволяет в процессе социального конструирования выделять заинтересованных акторов, их ресурсы, стратегии (Э. Хобсбаум, Т. Рейнджер, Р. Уортман). Потенциал публичного лидерства здесь видится в качестве одного из ключевых ресурсов устойчивого развития общественно-политической жизни. Данный подход проработан и апробирован на российском материале.

В российской гуманитарной науке феномен персонификации в политике «предали гласности» еще в 1989 г., в нашумевшем тогда сборнике статей «Тоталитаризм как исторический феномен» [21]. В начале 1990-х гг. эта тема уже в разных форматах была заявлена в публикациях В.В. Ильина, Ю.А. Левады, А.С. Панарина, В.П. Пугачева, А.С. Соловьева, А.Б. Орлова, Е.Б. Шестопаля и других [7].

Разбор тенденций современного политического лидерства предполагает анализ системы условий и правил, их изменений, в соответствии с которыми происходит выдвижение, функционирование лидера в структурах власти и осуществление им своих полномочий. Посредством их слияния с индивидуальными качествами лидера осуществляется персонификация власти, лидерства [8, с. 113] – тенденция, воспроизводящаяся при определенных обстоятельствах и потому нуждающаяся в постоянной рефлексии. В массовом сознании «персонификация» воспринимается с момента взятия лидером какой-либо определяющей властной позиции (мэра, губернатора), ассоциации с ней возможностей достижения и трансляции узнаваемости «себя в мире». Однако это не персонификация, а персонализация, создаваемая ограниченностью индивидуума от других, обретением особой оболочки, что обозначает его как персону или маску. С ней он может долго жить и действовать, пока – в силу разных причин – он сам либо кто-то иной не догадается ее снять или «сорвать».

Когда же лидер сам (пусть исподволь) сдвигает маску по горизонтали или утончает роль персоны по вертикали – это некий старт персонификации, что в социальном контексте, как умно подметил О. Уайльд, означает: «Будь са-

мим собой. Прочие роли уже заняты». Сама постановка вопроса переводит проблематику лидерства, а шире элитизма, в плоскость исторической динамики и влечет за собой ряд новых вопросов. Один из них неоднократно ставила политология: может ли внутренняя эволюция сама по себе вывести лидерство или элиту к нормальному состоянию, сопоставимому с нуждами общества?

Современные теории лидерства все теснее связаны с феноменом медиатизации политики, где персонификация власти, сопряженная с уровнями восприятия и общественного мнения, влияет на политическое поведение социальных групп в соответствии со своими пределами. Персонификация сегодня невозможна без опоры на СМИ, Интернет, и, как следствие, на весь коммуникативный процесс. В частности именно поставляемый СМИ материал о месте и роли лидеров в стране создает субстанцию их образа, а потом и имиджа, получающего поддержку зрителей (избирателей). Такой алгоритм С. Пшизова считает российской спецификой.

Персонификация лидерства, имея своим источником многоликость власти, не исключает воздействия на ее формирование иных (в т.ч. негативных) форм власти и институтов, с учетом их цивилизационного контекста в закреплении власти. Как тенденция она «живуча», чередуя в основании то потребности субъекта власти в образе, отображающем связи ведущего и ведомых, то объективные вызовы организованных систем. В первом случае, выступая от имени группы (элиты), лидер осуществляет ее представительство (реальное или символическое) во взаимодействии с другими особыми группами, в том числе религиозного типа. Образ лидера при стечении обстоятельств становится элементом создания групповой идентичности. «Важнейший аспект ее оформления – персонификация в каком-либо личностном образе» [6, с. 75]. Во втором случае, к ним относится потребность в самоорганизации, упорядочении действия (поведения) иных элементов системы в целях обеспечения ее стабильности.

По мере усиления потребности системы и самих людей в сложно организованных коллективных действиях, их осознания в форме коллективных целей (идеологии), спецификация функций лидера и его структурное, институциональное обособление повышается. Субъективные аспекты такого выделения наглядны в переходных ситуациях (мандат на «чрезвычайное управление», конфликт «групп интересов»

и т.д.), когда сосредоточением исторического виража выступают индивидуальные способности, готовность человека к возложению и выполнению роли лидера, а также признание за ним права на руководство со стороны группы, организации, общества.

«Институты не обязательно – и даже далеко не всегда – создаются для того, чтобы быть социально эффективными; институты или, по крайней мере, формальные правила, создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил» [15, с. 33]. Концентрация власти в их руках нередко приводит к случаю, когда персонификация лидерства подменяется его персонализацией (вплоть до «культы личности») в условиях тоталитарного режима.

Институционализация лидерских позиций находит отражение в понятии «формального лидерства». Отмеченное рационализацией властных отношений, оно представляет собой приоритетное влияние некоего лица (группы) на членов организации, закреплённое в ее нормах/правилах и основывающееся на положении в общественной иерархии, месте в ролевых структурах. Однако, т.к. достижение этого полнокровный, системный процесс, связан он не только с профессионализацией, но и с персонификацией, в зависимости от времени и социокультурного контекста в цикличности политического развития «оборачивающейся» еще и деперсонификацией. На практике – это различные феномены, знаковые для политического процесса. Деперсонификация (с развенчанием мифов прежних вождей и их клиентелл) – примета переустройства России 1990-х гг. Персонификация в многообразии проявлений – черта политической жизни современной РФ.

Сегодня идет размывание прежних идеологий, партии превращаются в модель «catchallparty» с размытой социальной базой и еще менее четким идеологическим базисом. Изменяются и факторы, влияющие на электоральное поведение: избиратели принимают решения, основываясь не на рациональном обдумывании программы кандидата или партии, а на личной симпатии к человеку, выдвинувшему свою кандидатуру на выборах. В этой связи и появился термин «персонификация политики»: избиратель оценивает политического лидера не столько по конкретным решениям, сколько по личным характеристикам, испытывая симпатию или антипатию к его персональным ка-

чествам [12, с. 82]. Дж. Маццоллини выдвигает тезис о том, что во многих демократических странах «персонифицированное лидерство» – главная черта современного политического процесса, именно оно влияет на политическое поведение людей [27, р. 17-20] в связи с изменениями институциональной среды политики, структурных компонентов лидерства, обусловленных культурой.

Сегодня, когда новый запрос на лидерство исходит со стороны Президента РФ и проявляется в линиях на омоложение корпуса публичных политиков, в интересе к личностям, которые могут принести новые идеи и сплотить региональные элиты [5, с. 6], персоналистский идентификатор¹ ясен и понятен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Когнитивные основания синергетики // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 65-108.
2. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу / Пер. с англ. Г.М. Квашнина. М.: РАУ, 1992.
3. Беспалов Д.Н., Казаков М.А. Информационная война и обеспечение безопасности // Вестник МГИМО-университета. 2014. № 6. С. 82-87.
4. Дахин А.В., Казаков М.А., Макарычев А.С., Семенов Е.Е., Стрелков Д.Г., Распопов Н.П. Перспективы стратегии публичной политики губернатора Нижегородской области: аналитические оценки, общественное мнение, тенденции. Аналитический доклад. Нижний Новгород: НИЦ СЭНЭКС, НИЦ «ЭОН», 2010.
5. Дахин А.В. Сценарии региональной модернизации в современной России: Практикум когнитивного моделирования. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2014.
6. Евгеньева Т.В. Технологии социально-политических манипуляций. М.: Национальный институт «Высшая школа управления», 2010.
7. Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. М.: Изд-во МГУ, 1995.
8. Исаев Б.А., Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб: Питер, 2009.
9. Казаков М.А. Институционализация региональных политических элит в процессе реализации национальных интересов России: обобщение некоторых выводов исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 2. № 1. С. 146-150.
10. Казаков М.А. Политическое лидерство: современные проблемы эволюции: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1993.
11. Казаков М.А. Региональные элиты в политическом процессе России. Нижний Новгород: НГТУ, 2004.
12. Касамара В.А., Сорокина А.А. Персонифицированное лидерство: политические лидеры глазами российских и французских студентов // Общественные науки и современность. 2012. № 4. С. 81-94.
13. Кола Д. Политическая социология / Пер. с фр., предисл. А.Б. Гофмана. М.: Изд-во «Весь мир», «ИНФРА», 2001.
14. Никонов В.А. Современный мир и его истоки. М.: Издательство Московского университета, 2015.
15. Норт Д. Институты, институциональные начала и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.
16. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1999. № 3. С. 5-15.
17. Пугачев В.П. Управление свободой. М.: Изд-во Комкнига, 2005.
18. Пшизова С.Н. Спин-контроль в системе политических коммуникаций // Российские властные институты и элиты в трансформации: Материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2011.
19. Савельев Ю.Б. Критерии модернизации в 21 веке: эмансипационные ценности и социальное включение // Гуманитарии в XXI веке. В 2-х т. Т. 1. Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2013.
20. Соловьев А.И. Медиакратия // Политология. Лексикон. М.: РОССПЭН, 2007.
21. Тоталитаризм как исторический феномен. М.: Философское общество СССР, 1989.
22. Урсу Н.С. Внутренний контур национальной безопасности // Национальная безопасность. 2012. № 1(18). С. 102-105.
23. Шепель В.М. Человековедческая компетентность менеджера. Управленческая антропология. М.: Народное образование, 1999.
24. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.

¹ Персоналистский идентификатор – структурный элемент исследуемой реальности, отличающийся от иных тем, что в его основе лежит личностный образ. В социально-политической сфере – это образ ключевого политического лидера.

25. Щербинина Н.Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М.: РОССПЭН, 2011.

26. Bottomore, T.B., 1976. Elites and society. Harmondsworth: Penguin Books.

27. Mazzoleni, G.A., 2000. A return to civic and political engagement prompted by personalized political leadership? Political Communication, no. 17, pp. 325-328.

REFERENCES

1. Arshinov, V.I. and Budanov, V.G., 2002. Kognitivnye osnovaniya sinergetiki [Cognitive basis of synergetics]. In: Sinergeticheskaya paradigma. Nelineynoe myshlenie v nauke i iskusstve. Moskva: Progress-Traditsiya, pp. 65-108. (in Russ.)

2. Blondel, J., 1992. Politicheskoe liderstvo: Put' k vseob'emlyushchemu analizu [Political leadership: towards a general analysis]. Moskva: RAU. (in Russ.)

3. Bepalov, D.N. and Kazakov, M.A., 2014. Informatsionnaya voyna i obespechenie bezopasnosti [Information war and security], Vestnik MGIMO-universiteta, no. 6, pp. 82-87. (in Russ.)

4. Dakhin, A.V., Kazakov M.A. et al., 2010. Perspektivy strategii publichnoy politiki gubernatora Nizhegorodskoy oblasti: analiticheskie otsenki, obshchestvennoe mnenie, tendentsii. Analiticheskiy doklad [Prospects for the strategy of public policy of the Governor of the Nizhny Novgorod region: analytical assessments, public opinion, trends. Analytical report]. Nizhny Novgorod: NITs SENEKS, NITs «EON». (in Russ.)

5. Dakhin, A.V., 2014. Stsenarii regional'noy modernizatsii v sovremennoy Rossii: Praktikum kognitivnogo modelirovaniya [Regional modernization scenarios in modern Russia: cognitive modeling workshop]. Nizhny Novgorod: NIU RANKhiGS. (in Russ.)

6. Evgen'eva, T.V., 2010. Tekhnologii sotsial'no-politicheskikh manipulyatsiy [Technology of socio-political manipulation]. Moskva: Natsional'nyy institut «Vysshaya shkola upravleniya». (in Russ.)

7. Il'in, V.V., Panarin, A.S. and Badovskiy, D.V., 1995. Politicheskaya antropologiya [Political anthropology]. Moskva: Izd-vo MGU. (in Russ.)

8. Isaev, B.A. and Baranov, N.A., 2009. Politicheskie otnosheniya i politicheskiy protsess v sovremennoy Rossii [Political relations and political process in modern Russia]. Sankt-Peterburg: Piter. (in Russ.)

9. Kazakov, M.A., 2015. Institutsionalizatsiya regional'nykh politicheskikh elit v protsesse

realizatsii natsional'nykh interesov Rossii: obobshchenie nekotorykh vyvodov issledovaniya [Institutionalization of regional political elites in the process of realization of Russia's national interests: generalization of some research conclusions], Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, Vol. 2, no. 1, pp. S. 146-150. (in Russ.)

10. Kazakov, M.A., 1993. Politicheskoe liderstvo: sovremennye problemy evolyutsii [Political leadership: modern problems of evolution], avtoreferat dissertatsii kandidata politicheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

11. Kazakov, M.A., 2004. Regional'nye elity v politicheskom protsesse Rossii [Regional elites in the political process of Russia]. Nizhny Novgorod: NGTU. (in Russ.)

12. Kasamara, V.A. and Sorokina, A.A., 2012. Personifitsirovannoe liderstvo: politicheskie lidery glazami rossiyskikh i frantsuzskikh studentov [Personalized leadership: political leaders through the eyes of Russian and French students], Obshchestvennye nauki i sovremennost', no. 4, pp. 81-94. (in Russ.)

13. Kola, D., 2001. Politicheskaya sotsiologiya [Political sociology]. Moskva: Izd-vo «Ves' mir», «INFRA». (in Russ.)

14. Nikonov, V.A., 2015. Sovremennyy mir i ego istoki [The modern world and its origins]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (in Russ.)

15. Nort, D., 1997. Instituty, institutsional'nye nachala i funktsionirovanie ekonomiki [Institutions, institutional origins and the functioning of economy]. Moskva: Nachala. (in Russ.)

16. Nort, D., 1999. Institutsional'nye izmeneniya: ramki analiza [Institutional changes: the framework for analysis], Voprosy ekonomiki, no. 3, pp. 5-15. (in Russ.)

17. Pugachev, V.P., 2005. Upravlenie svobodoy [Managing freedom]. Moskva: Izd-vo Komkniga. (in Russ.)

18. Pshizova, S.N., 2011. Spin-kontrol' v sisteme politicheskikh kommunikatsiy [Spin control in the system of political communication]. In: Rossiyskie vlastnye instituty i elity v transformatsii: Materialy vos'mogo Vserossiyskogo seminarra «Sotsiologicheskie problemy institutov vlasti v usloviyakh rossiyskoy transformatsii». Sankt-Peterburg: Intersotsis. (in Russ.)

19. Savel'ev, Yu.B., 2013. Kriterii modernizatsii v 21 veke: emansipatsionnye tsennosti i sotsial'noe vkluchenie [Criteria of modernization in the 21st century: emancipative values and social inclusion].

In: Gumanitarii v XXI veke. V 2-kh t. T. 1. Nizhniy Novgorod: Izd-vo NISOTs. (in Russ.)

20. Solov'ev, A.I., 2007. Mediakratiya [Mediacracy]. In: Politologiya. Leksikon. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

21. Totalitarizm kak istoricheskiy fenomen [Totalitarianism as a historical phenomenon]. Moskva: Filosofskoe obshchestvo SSSR, 1989. (in Russ.)

22. Ursu, N.S., 2012. Vnutrenniy kontur natsional'noy bezopasnosti [The inner circuit of the national security], Natsional'naya bezopasnost', no. 1(18), pp. 102-105. (in Russ.)

23. Shepel', V.M., 1999. Chelovekovedcheskaya kompetentnost' menedzhera. Upravlencheskaya antropologiya [Manager's competence in

humanities. Managerial anthropology.]. Moskva: Narodnoe obrazovanie. (in Russ.)

24. Shumpeter, Y., 1995. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya [Capitalism, socialism and democracy]. Moskva: Ekonomika. (in Russ.)

25. Shcherbinina, N.G., 2011. Mifogeroicheskoe konstruirovaniye politicheskoy real'nosti Rossii [Mytho-heroic construction of political reality in Russia]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

26. Bottomore, T.B., 1976. Elites and society. Harmondsworth: Penguin Books.

27. Mazzoleni, G.A., 2000. A return to civic and political engagement prompted by personalized political leadership? Political Communication, no. 17, pp. 325-328.